

УДК 94(470.67)07

ОФИЦЕР РУССКОЙ АРМИИ А.Ф. ДЕСИМОН О ДАГЕСТАНЕ И ОБ ОБЩЕСТВАХ САМУРСКОЙ ДОЛИНЫ

Б. Г. Алиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья посвящена историографическому анализу описания обществ Самурской долины в работе офицера русской армии А.Ф. Десимона под названием «Исторические сведения о Самурском округе». В основном это изложение материала хроники «Ахты-наме», где имеются исторические сведения о лезгинских обществах, расположенных в долине реки Самур: Ахтыпара, Алтыпара и Докузпара, вошедших затем в состав Самурского округа. Также автор статьи дает общие сведения о Дагестане, отмечает благоприятные условия его равнинной части, кратко характеризует горный регион, перечисляя при этом находившиеся здесь политические структуры.

The article is devoted to the historiographic analysis of the description of the Samur valley societies in the work of the Russian army officer A.F. Desimon called "Historical information about the Samur district". This is mainly a presentation of the chronicle material "Ahty-Name", where there is historical information about the Lezgi societies residing in the valley of the Samur river: Ahtypar, Altypar and Dokuzpar, which later became part of the Samur district. The author also provides general information about Daghestan, notes favorable conditions of this flat territory, briefly describes the mountain region, listing the political structures existing here.

Ключевые слова: А.Ф. Десимон, Дагестан, самурские общества, вольные общества, Ахты, Микрах, Мискинджи, Каракюре, Шах Бани, Дервиш-ал.

Keywords: A.F. Desimon, Daghestan, Samur society, free society, Ahty, Mikrakh, Miskindzhi, Karakure, Shah Bani, Derwish-al.

Многие военные деятели, служа на Кавказе и в Дагестане, в частности, участвуя в военных действиях и бывая в различных местах, собирали разнообразные сведения о Дагестане – о его истории, народах, их хозяйственной деятельности, владениях, обществах, отдельных населенных пунктах и т.д., и т.п. Среди этих военных деятелей были как люди, занимающие высокие должности в русской армии и русской администрации на Кавказе, так и военные невысокого ранга. Среди них были и главкомы на Кавказе (А.П. Тормасов, Н.Ф. Ртищев, А.П. Ермолов и др.), генералы, командующие различными воинскими формированиями, штабные работники и гражданские служащие и т.д. Материалы, описания различных дагестанских народов, их обществ и феодальных владений хранятся в основном в Российском государственном военно-историческом архиве. Многие из них были опубликованы в изданном в 1940 г. сборнике архивных документов под редакцией С.К. Бушуева и Р.М. Магомедова «Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века)» [1]. Практически вторично большое количество этих документов было опубликовано в сборнике архивных материалов «История, география и этнографии Дагестана XVIII–XIX вв.», изданном под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева в 1958 г. [2].

Среди изданных документов имеется и извлеченное из Российского государственного военно-исторического архива описание Самурского округа. В первом сборнике, изданном в 1940 г., составление его отнесено к 1837 г. и названо оно «Из статьи “Исторические сведения о бывших сельских общинах Кубинской провинции, составляющих ныне Самурский округ”, поступившей в редакцию журнала “Северная пчела” от чиновника при командире Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головине А.Ф. Десимона» [1, с. 378–379]. В сборнике, изданном в 1958 г., это описание повторяет текст первой публикации, но с добавлением пропущенных в ней четырех первых абзацев, т.е. это полный текст

описания по оригиналу Российского государственного военно-исторического архива (ф. ВУА, д. 18488, л. 1–12; подлинник). В этом издании описание дается под названием «Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г.» [2, с. 362–368].

Автор этого документа Андрей Францевич Десимон (1800–1879) – с 1828 г. в офицерский чинах и с того же года служил на Кавказе. Он участвовал в военных действиях в Дагестане. В 1838 г. перешел на гражданскую службу на Кавказе, с 1839 г. состоял при Самурском отряде. Прослужил на Кавказе до 1870 г., занимал должности чиновника особых поручений, вице-губернатора Грузии, директора канцелярии заместителя, члена Главного управления заместителя. С 1870 г. года в чине тайного советника служил в Петербурге.

До описания основного вопроса – Самурского округа А.Ф. Десимон остановился на общей характеристике Кавказа и Дагестана в природно-географическом плане и на этнополитическом разделении. В связи с этим он говорит о названии Дагестана. В частности, он писал, что «страна, заключающаяся между Главным хребтом Кавказа, ... поперечным хребтом, Каспийским морем и Бакинским полуостровом, называется Дагестаном, т.е. страной горною» [2, с. 362]. При этом он подчеркивает сильную пересеченность местности и пишет, что «к берегам Каспийского моря, омывающего эту страну, горы становятся ниже, покрыты лесами, фруктовыми деревьями и, наконец, к самому морю прилегают равнины, изобилующие произведениями жарких климатов» [2, с. 362]. Отметил он и то, что в Дагестане протекают две ее главные реки, которые впадают в Каспийское море. Это «Сулак, между владениями кумыкскими (княжества Засулаской Кумыкии. – Б.А.) и шамхала тарковского» и «Самур, между Кубинской провинцией и Дербентским округом» [2, с. 362].

Важны отмеченные А.Ф. Десимоном благоприятные для ведения земледельческого хозяйства условия равнинного Дагестана. Он писал: «Владения шамхала тарковского, Дербентский округ и Кубинская провинция занимают все ровное пространство и почти все плодоносные и лесом покрытые горы Дагестана вдоль берега Каспийского моря» [2, с. 362].

Здесь же он остановился на горной части Дагестана: «Далее, в ущельях гор скалистых, а особенно по берегам горных потоков живут лезгины (дагестанцы-горцы. – Б.А.) горные», которые, как верно отмечено автором, разделяются «на ханства и общества под различными наименованиями», это ханства Казыкумыкское, Кюринское, Аварское и Мехтулинское, которые А.Ф. Десимон считал «главнейшими», управляемые «предками прежних своих владетелей» [2, с. 363].

Продолжая перечень политических структур горного Дагестана, А.Ф. Десимон писал: «Но есть еще общества вольные, более или менее значительные, которые хотя и признают над собою владычество России, но без боя не позволяют войскам нашим (русским. – Б.А.) проникать в свои вертепы» (пещеры. – Б.А.). После упоминания пещер, конечно, должна быть и характеристика их обитателей, которых наш автор, как и многие, писавшие до него и после него, называет разбойниками, бунтовщиками и т.д. Вот как писал далее А.Ф. Десимон о «вольных» обществах и их жителях: «В этих вольных обществах бывают обыкновенные зародыши различных беспокойств, в Дагестане возникающих. Там предприимчивые изуверы находили себе всегда приверженцев, оттуда нарушители общественного спокойствия спускаются для грабежей в места ровные и плодоносные, а беглецы и разбойники, преследуемые законом, находят себе там же пристанище» [2, с. 363]. Конечно, с точки зрения офицера русской армии и чиновника недовольство или выступление против России – это преступление, а люди, недовольные сложившимся положением, – это преступники и «предприимчивые изуверы». И поэтому народ, веками

привыкший жить свободным, независимым от кого бы то ни было, необходимо характеризовать как разбойников.

Но среди вольных обществ А.Ф. Десимон различает менее опасные, или «менее вредные» для России, каковыми он считал расположенные, как писал он, «в сердце Дагестана», ввиду их отдаленности и «малосильности» [2, с. 363].

После такой характеристики вольных обществ А.Ф. Десимон переходит к описанию основного вопроса своей статьи. В частности, он начинает описание Самурского округа так: «Но в Южном Дагестане от Кубинской провинции вверх по течению Самура, по обе стороны этой реки и сопредельно с провинциями Кубинскою, Ширванскою и Шекинскою, с западной стороны с владениями султана елисуйского, от севера с ханствами Кюринским и Казыкумыкским обитает издревле между ущельями Главного хребта Кавказа, между скалами и горными потоками, народ, любящий дикую, своевольную свободу» [2, с. 363]. Действительно, лезгинские общества, входившие в состав Самурского округа, занимали указанную выше территорию, находились в окружении этнически однородных, таких же лезгинских союзов, входивших в другие административно-политические единицы.

Прав был А.Ф. Десимон, что, хотя со времени Ермолова самурские общества «платили русскому правительству легкую подать, но не переставали считать себя независимыми и, считая вертепы свои неприступными, не только не хотели принимать к себе войск, но даже не позволяли проезд чрез свои земли» [2, с. 363].

Известно, что Ахтынское, Мискинджинское, Каракюринское (Алтыпаринское) и Докузпаринское общества в 1809 г., как и многие общества Аварии, приняли российское подданство [3, с. 499] в 1811 г. Во время прихода в Южный Дагестан русских войск во главе с ген.-м. Н.М. Хатунцевым «явились старшины и духовные кадии горских деревень мискинджалинских, ахтынских, алтыпаринских и токуспаральских... с покорностию оружием е.и.в. и с усердным желанием быть под покровительством России» [4, с. 298]. Но и после этого самурские общества считали себя независимыми, наглядным доказательством чего является рапорт генерала Головина от 29 июля 1839 г., в котором сообщалось: «Магалы Ахтынский, Рутульский, Алтыпаринский и Докузпаринский, приведенные ныне в повиновение силою оружия, считались надлежащими к Кубинской провинции» [5, с. 222]. Что интересно, подчеркнуто А.Ф. Десиимоном далее, «... зависимость их от начальства Кубинского была мнимая, потому что никто из русских никогда не мог там показаться». Когда в 1819 г. инженер-подполковник Торри был послан туда, чтобы осмотреть дороги, в сел. Ахты его чуть не сбросили с моста, и только один из жителей по имени Хаджи-Мамед «спас его от неистовства» [5, с. 222]. Так что утверждение А.Ф. Десимона о том, что самурские общества не допускали к себе российские войска еще многие годы после вступления их в российское подданство, было верно.

Но следующие слова А.Ф. Десимона об отличии обществ Самурской долины от других горных обществ вызывают возражение. Он писал, что «этот народ, досель называвшийся вольными кубинскими обществами, отличается от всех вольных обществ Дагестана своим богатством, промышленностью и многочисленностью» [2, с. 363]. Во-первых, общества самурских лезгин больше были известны как самурские, а не кубинские вольные общества. Во-вторых, в Дагестане было немало обществ, так же отличавшихся развитым хозяйством – и земледелием, и животноводством, и ремесленным производством. И еще – по многолюдности самурским обществам не уступали многие аварские и даргинские общества. Многолюдностью, действительно, отличалось селение Ахты и ряд других сел – Мискинджи, Куруш, Кара-Кюре, Микрах.

По сведениям генерала Ф.Ф. Симоновича, в конце XVIII в. в составе указанных обществ Самурской долины, которые даны им под общим названием «Ахтынское владение», состоящее из трех «округов», было 30 деревень: Ахты-пара с центром в селении Ахты с 600 дворами, Докузпара с центром в селении Мискинджи с 250 дворами и Алты-пара с центром в селении Келегуре (Каракюре) с 150 дворами. В Самурской долине располагалось также «Рутульское небольшое владение», куда входило 12 деревень [6, с. 150–151].

В первой трети XIX в., по данным А.П. Торماسова, «лезгинские народы, ахтынцы, маскинжинцы и крегурицы» имели 8100 семейств, где проживало 48 000 жителей обо-его пола [7, с. 237]. По данным за 1811 г., у самурских лезгин также было 8100 семейств, а число жителей равнялось 40 500 человек [8, с. 935]. В Ахтах было до 1000 домов, а в союз в целом входило 12 деревень, в Докузпаре, соответственно, 9 деревень и 3000 жителей, в Ахтыпара – 4100 домов [8, с. 48]. По сведениям ген. К.К. Краббе, в Докузпаре, состоявшем из 10 деревень, было 960 семейств, из которых 350 семейств проживало в Мискинджи, в Ахтыпара было 15 деревень, где проживало 1500 жителей, в одном только селении Ахты было до 800 семей [9, с. 335].

Для сравнения данных о численности семей и жителей обществ Самурской долины приведем цифры по Акуша-Дарго, где, по данным 30-х гг. XVIII в., было 30 деревень [10, с. 128], а по данным 70-х гг. XVIII в., приведенных академиком И.А. Гильденштедтом, – 29 деревень, из которых ряд деревень на самом деле входили в состав Сюргинского союза [11, с. 130]. И наконец, по данным участника персидского похода 1796 г. И.Т. Дренякина, в конце XVIII в. в Акуша-Дарго было 30 000 дворов и 90 000 душ [12, табл.]. В тот же период, по данным академика П.Г. Буткова, в Акуша-Дарго было 30 000 дворов и 100 000 жителей [13, с. 101].

Аналогичные данные по численности населения можно привести и по другим вольным обществам. Так что общества Самурской долины являлись только одними из «многочисленных», но не единственными.

Безусловно, среди сел Самурской долины отличалось Ахты, о чем А.Ф. Десимон писал: «Многолюднейшие селения горных обществ лежат по правому берегу Самура. Главное из этих селений Ахты весьма многолюдное и расположено в живописной долине при слиянии речки Ахтычая с Самуром» [2, с. 363].

И в дальнейшем Ахты среди центров вольных обществ Дагестана оставалось одним из самых больших сел. Так, по данным 60-х гг. XIX в., в с. Ахты, которое местные жители из-за его величины называли «городом Ахты» – Ахса, было 969 хозяйств, где проживало 5418 жителей, в других больших селах общества Самурской долины было: в Кара-Кюре – 404 хозяйства и 2636 жителей, в Микрахе, соответственно, 438 и 2988; в Мискинджи – 403 и 2251; в Рутуле – 313 и 1638 [14, с. 117–118, 120]. Для сравнения приведем данные о селах Акуша-Дарго. В Акуша с его 59 отселками было 1737 дымов, в Усиша – 653 дыма, в Муги с четырьмя отселками – 606 дымов, в Урахи с 7 отселками – 678 дымов, в Мекеги с 12 отселками – 797 дымов [14, с. 19–23].

После краткого описания селения Ахты А.Ф. Десимон остановился на его истории, имеющейся в хронике «Ахты-наме». Сначала он отметил, что в пяти верстах от «Ахты – вверх по Ахты-чаю есть горячие серные минеральные воды, которые уже в VI в. были известны персам, которые построили около них бани и крепосцу», остатки которых во время его пребывания здесь еще сохранились «на крутой горе по левую сторону речки Ахты-чай» [2, с. 363].

Далее он приводит предание о том, что «первым владельцем страны, где ныне Ахтынский округ, и основателем селения был Шах Баны, племянник персидского падишаха

Кубада, Сасанидской династии, и двоюродный брат наследовавшего ему сына его Нуширвана». А.Ф. Десимон, получив от местного жителя по имени Абдула хронику «Ахты-наме», писал, что Нушираван, когда в бытность еще царевичем проживал в Дербенте, услышал «много хорошего о минеральных водах близ Ахты находящихся» и отправил своего родственника Шах Баны с несколькими нукерами отыскать воды и испытать их. Когда же он получил от Шах Баны «одобрительное сведение об открытых им водах, отправил туда 60 семейств из персов и 300 человек воинов, которые близь самых вод основали деревню и устроили бани» [2, с. 364]. Когда Нуширван стал шахом, продолжал излагать А.Ф. Десимон сведения из «Ахты-наме», то почетные жители Ахты обратились к своему правителю Шах Баны с просьбой о сложения с бань подати. Нуширван удовлетворял их просьбу. После смерти Шах Баны «владение селением Ахты поручено было сыну его Шах Сану, который управлял им 12 лет» [2, с. 363–364].

Далее А.Ф. Десимон излагает события, описанные в «Ахты-наме» и связанные с борьбой лезгинской группы народов с хазарами. В связи с этим он приводит сведения хроники о захвате хазарами Дербента «и части вольных обществ». Хазарский каган, будучи в Ширване, поселил своего военачальника Самсама в Микрахе. Как писал А.-К. Бакиханов, «один из дамасских уроженцев», которого звали Эмир-Кяги, был помощником его в управлении [15, с. 62]. Чтобы укрепить его влияние, хазары основали другой город, на левом берегу Самура и населили его жителями Тарса, как писал далее А.-К. Бакиханов, «переведенными из того места, где ныне Кизляр» [15, с. 67]. А.Ф. Десимон писал, что это деревня «против города Кяла-Кюри». Самсам решил овладеть крепостью Ахты, где тогда правил также представитель рода Нуширвана «некий Дервиш-ан» (у А.-К. Бакиханова Дервиш-ал. – Б.А.). Он склонил на свою сторону владетелей Тарса, выплатив им по 300 монет [14, с. 62]. Как пишет А.Р. Шихсаидов, обобщив все попытки хазар захватить Ахты, они «осаждали его девять лет, но потерпели поражение от объединенных войск «эмиров Тарсы, Рутула, Джиныха и Руфука» [16, с. 33].

А.-К. Бакиханов писал, что хазары три раза осаждали крепость Ахты, особенно длительной была третья осада: «Семь месяцев продолжалось сражение, и Шах-Касым, сын Дервиш-ал был убит. Наконец Самсам был окончательно разбит и почти 15 лет не беспокоил Дервиш-ал». И только после 15-летнего перерыва хазары напали на Тарсы ночью и «перерезали или пленили всех жителей и разграбили их имущество» [15, с. 62; 16, с. 63]. А.Ф. Десимон отмечал, что после окончательного поражения Самсама «владельцы Ахты и Микраха были врагами непримиримыми» [2, с. 364].

Очень интересны дальнейшие события, которые описаны в хронике «Ахты-наме» и приведены в статье А.Ф. Десимона и в книге А.-К. Бакиханова. В частности, в них говорится, что спустя девять лет, т.е. в начале VIII в., арабы совершили второй поход в Дагестан и покорили часть Южного Дагестана. Тогда «сестра арабского полководца Абу-Муслима, Юмюл Маминад, пришла с войском в вольные общества и, взяв город Кяла-Кюри, обратилась к Микрагу». Узнав об этом, ахтынский владетель Дервиш-ан, питавший всегда ненависть к своему сопернику, немедленно явился к Юмюл Маминад с «предложением услуг своих действовать общими силами против Самсама. Семь месяцев Микраг был в осаде» [2, с. 36]. Дервиш-ан привлек на свою сторону любимца Самсама Эмир-Кяги, которого он убил, и ворота города были открыты: в живых оставляли только тех, кто принял ислам, остальные были истреблены. А.-К. Бакиханов об этих событиях писал так: «Дервиш-ал в ночь на пятницу с 6000 войск подошел к воротам города. Эмир-Кяги со своими клевретами убил Самсама и ввел неприятеля в город. Дервиш-ал потребовал от жителей принять учение ислама. Покорные сохранили свою жизнь и собственность, отвергнувшие новую веру были убиты» [15, с. 63]. После этого «Эмир-Кяги сде-

лался начальником Микрага с окрестными селениями Кяла-Кюри с Курушом. А Юмюл Маминад по желанию брата своего Абу-Муслима вышла замуж за Дервиш-ан и поселилась в городе Шах-Бану, который был тогда переименован в Ухты» [2, с. 365], т.е. «принадлежащий сестре. Село впоследствии стало называться Ахты» [15, с. 63]. Город, где правил Самсам, после того, как он был убит и «начальником» стал Эмир Кяги, стал называться его именем, «затем название приняло форму Микраг – нынешнее название деревни» [15, с. 63].

Таковы сведения о происхождении названий нынешних лезгинских селений Ахты и Микрах, которые долгое время находились в противостоянии. Существуют сведения и об основании Куруша, что приписывается Шейх шаху ал-Бури, выходцу из племени Курейш, который помогал Дервиш-алу во время его борьбы с Самсамом. Он после взятия Микраха переселил из этого «города... 30 семейств, назвав поселение Курейшом в память своего племени». «Название это, – как писал А.-К. Бакиханов, – с течением времени превратилось в Куруш, что на левом берегу Самура, напротив деревни Калекюре» [15, с. 63].

После описания событий в Самурской долине, связанных с противостоянием Ахты и Микраха, А.Ф. Десимон говорит о возникновении в «Ширване царства ширваншахов (династии Сасанидов), которое имело влияние на большую часть Дагестана», и здесь же он писал, что были ли покорены ширваншахам вольные общества – неизвестно, хотя впоследствии, со времени вступления на престол в Персии шахов Сефевидов, «видно, что общества эти были опять завоеваны персами силою оружия». Писал он и о первых сефевидских шейхах – сначала о султани Джунейде (1447–1460), который, собрав многочисленное войско, устремился в Дагестан для ведения «священной войны», но в 1460 г. на берегу Самура был наголову разбит со своими «борцами за веру» [17, с. 98–99; 18, с. 72].

Политику Джунейда продолжил его сын Хейдар (1440–1488), о котором А.Ф. Десимон не упоминает. Хейдар тоже совершил поход в Дагестан, и в состоявшейся битве на территории Табасарана в 1488 г. Сефевиды потерпели поражение, шейх Хейдар был убит и похоронен в Табасаране. А.Ф. Десимон упоминает и шаха Исмаила (внука Джунейда) и его сына шаха Тахмаса I (Тахмасиб (1524–1576), которые предприняли более удачные походы против Ширвана и Дагестана. А.Ф. Десимон отметил, что «шах Тохмас I» построил гробницу над могилой Джунейда и мечеть, как писал он, «дольше существующие, и основал деревню Хазры, населив ее выведенными из Персии жителями, а чтобы более еще обезопасить это место со стороны горцев, перевез из Лагиджана (что в Гиляне) 900 семейств и построил деревню Мискенджи, жители которой дольше преимущественно пред прочими селениями последуют Алиевой секте» [2, с. 365], т.е. в отличие от других жителей Дагестана исповедуют ислам шиитского толка.

Далее А.Ф. Десимон переходит к XVI–XVIII вв. и, останавливаясь на селении Ахты, описывает его политическое положение и называет, кто правил им. Он, в частности, отметил, что согласно грамоте «персидских шахов Софийского поколения» управление Ахтами в 976 г.х. (1560 г.) было поручено некоему Шах-Гусейн-Беку, а в 1014 г.х. (1598 г.) – Эю-беку. Затем, останавливаясь на времени Надир-шаха, А.Ф. Десимон писал, что не многим ранее и в это время «Ахтынский округ состоял под покровительством дербентского начальника и ширванского главного управления». А после смерти Надир-шаха, как и другие села вольных обществ, Ахты находилось «в более или менее зависимости от Кубинского ханства». С вступлением в российское подданство Ахты подчинялось коменданту г. Куба. Но что интересно – и здесь А.Ф. Десимон говорит, как и выше, о формальности этой зависимости и для подтверждения сказанного останавливается на приведенном выше случае, когда в 1819 г. в Ахтах чуть не убили инженерного подполковника Торри, посланного сюда для осмотра дорог [2, с. 365].

Остановившаяся на дальнейшей истории Ахты, А.Ф. Десимон отметил, что в 1820 г., когда ген.-м. князь Мадатов после изгнания из Казикумухского ханства постоянного противника России Сурхай-хана II возвращался с отрядом, самурские общества, «боясь, дабы генерал этот по соседству их с Кюринским ханством, чрез которое проходил отряд, не предпринял движение к с. Ахты, выслали к нему депутатов с изъявлением всегдашней своей покорности». Однако Мадатов, не намеревавшийся посещать самурские общества, ограничился только наложением на них «самой незначительной подати» [2, с. 366].

Ввиду всего сказанного А.Ф. Десимон писал, что «эта часть Дагестана» оставалась для русских такой же неизвестной, как и «самые отдаленные края света», хотя эти «кубинские общества», как он называл их, вели себя спокойно и не обращали на себя особого внимания до 1837 г., т.е. до кубинского возмущения. Но, как и ранее, их зависимость заключалась только в выплате «ничтожной подати, которая даже не всегда платима была исправно» [2, с. 366].

Несмотря на то что самурские общества не были зачинщиками в «возмущении Кубинской провинции», они, считая «вертепы свои» неприступными для русских войск, «решительно поддерживали, – как писал А.Ф. Десимон, – дух своевольства и непокорности в остальной части Кубинской провинции» [2, с. 366]. Даже несколько деревень самурских лезгин, по его словам, «сопредельных с нею, выслали довольно значительные вооруженные скопища в помощь бунтовщикам, обложившим самую Кубу» [2, с. 366]. После подавления мятежа большая часть его участников скрывалась в самурских обществах, но никакие требования русских властей выдать их не были удовлетворены. Поэтому в начале 1838 г. местные русские власти послали против них войска. Два раза они приходили в лезгинские общества и «оба раза были обмануты ложными обещаниями безусловной покорности». Более того, как писал А.Ф. Десимон, «буйные жители обществ дерзнули даже спуститься на южную покатость хребта Кавказа и, находясь в сношениях с некоторыми неблагонамеренными беками Шекинской провинции, обложили самую крепость Нуху» [2, с. 366]. Хотя горцы не имели успеха и были отброшены от города, но, как подчеркивал А.Ф. Десимон, «непокорность этих обществ и кажущаяся неприступность их жилищ поселила во всех соседственных провинциях мысль, что есть возможность противиться нашему владычеству». Чтобы положить конец этим невыгодным для русских «понятиям и искоренить зло в самом его источнике», в 1839 г. в лезгинские общества Самурской долины была совершена экспедиция во главе с корпусным командиром генералом от инфантерии Головиным [2, с. 364]. Под Аджиаухуром в конце мая горцы трое суток ожесточенно сопротивлялись, но потерпели поражение, после чего, как писал А.Ф. Десимон, «буйные и надменные жители вольных обществ умоляли о пощаде и с хлебом и солью принимали победителей во всех своих селениях и в самой Ахты» [2, с. 366–367].

А генерал Головин, как было отмечено выше, в рапорте графу Чернышеву от 29 июля 1839 г. сообщал, что «Магалы – Ахтынский, Рутульский, Алтыпаринский и Докузпаринский, приведенные ныне в повиновение силою оружия, считались принадлежащими к Кубинской провинции». Но и он подчеркивал, что зависимость самурских обществ от Кубы «была мнимая» [5, с. 222].

Были приняты меры наказания, как-то: взысканы недоимки, значительно увеличены подати, обезоружены жители отдаленных от театра войны обществ, в Ахтах и на позиции Аджиаухурской были возведены два укрепления и проложен кратчайший путь через хребет Кавказа для постоянного сношения Грузии с Кубой и Дербентом. Управление Самурским округом было поручено особому начальнику, который находился в Ахтах и от туда следил за ханствами Кюринским и Кази-Кумухским [2, с. 367].

Далее А.Ф. Десимон приводит численность дворов и населения Самурского округа, которых, по его сведениям, было: дворов 6 тыс., а населения около 50 тыс. «мужского и женского пола» [2, с. 366]. При этом он подчеркивает важность «покорения» самурских обществ, что, по его мнению, «было не настолько важно по числу жителей и пространству земли, как потому, что «отныне и впредь и все сопредельное с оною провинции не будут обезпечиваемы ни хищниками, ни возмутителями, ибо даже и в самом Самурском округе с первым днем окончания военных действий не слышно ни одного тревожного выстрела и не было решительно ни одного покушения к нападению, грабежу или убийству». Кроме того, А.Ф. Десимон подчеркивал, что с покорением обществ Самурской долины стала безопасной дорога в Кубу, Дербент и Тифлис [2, с. 367].

В конце своей статьи А.Ф. Десимон выражает надежду на сохранение «благодетельного» спокойствия и в этой части Дагестана, как и во всех провинциях наших (России. – Б.А.) Кавказского края». Но завершает он свою статью как настоящий шовинист и колонизатор, высказав свое мнение, что «ожидать совершенного сближения их (самурских обществ. – Б.А.) с нами можно разве только тогда, когда на горах и равнинах водрузится крест и когда вместо мечетей воздвигнутся храмы Христу Спасителю, а до того времени одна только сила оружия есть верным оплотом владычества нашего на Кавказе и за Кавказом» [2, с. 367].

Общеизвестна прогрессивность присоединения народов Кавказа и Дагестана, в частности, к России, и об этом сказано во многих работах советских и российских ученых. Не останавливаясь на этом бесспорном и общепризнанном факте, все же нельзя не отметить, что рассуждать так, как это делал А.Ф. Десимон, мог только настоящий солдафон, человек, не признающий право других народов на независимость и свободу, не признающий чужую культуру, чужую религию, кроме христианства. Он практически предлагал уничтожить не только независимость горцев, но и их религию, разрушить мечети, построить христианские храмы и церкви и заставить народы Дагестана принять христианство насильно с помощью штыков русских солдат.

Заключая анализ статьи офицера русской армии А.Ф. Десимона, отметим, что она представляет собой в основном изложение одной из редакций хроники «Ахты-наме», которая имела у одного местного жителя. Конечно, содержащийся в хронике текст А.Ф. Десимон изложил верно. Однако при характеристике некоторых вопросов, касающихся Дагестана в целом или местного населения, а также политического положения обществ самурских лезгин, автор статьи весьма необъективен и выступает как шовинист, неуважительно относящийся к жизни местного населения, их политическому положению и культуре. Не совсем верны и его комментарии к той или иной части хроники, в которых говорится об обществах Самурской долины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Т. III, ч. I. Махачкала: Даггосиздат, 1940. 472 с.
2. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (далее – ИГЭД). М.: Изд-во вост. лит., 1958. 371 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказа, 1870. Т. IV. 1011 с.
4. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : сб. док. / сост. В.Г. Гаджиев, Н.А. Магомедов, Ф.З. Феодаева, Р.С. Шихсаидова. М.: Наука, 1988. 360 с.
5. АКАК. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказа, 1884. Т. IX. 1013 с.
6. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138–156.

7. *Тормасов А.П.* Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237–238.
8. АКАК. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказа, 1870. Т. 5. 1170 с.
9. *Краббе К.К.* Замечания по Докуспаре, Ахтах и Рутуле // ИГЭД. С. 335–336.
10. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип. Императ. АН, 1869. Ч. 1. 548 с.
11. *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1809. 385 с.
12. *Дренякин И.Т.* Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. С. 157–172.
13. *Бутков П.Г.* Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 200–208.
14. *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1–123.
15. *Бакиханов А.К.* Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
16. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана : материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до XX века. Махачкала, 1964. 278 с.
17. *Петрушевский И.П.* Государство Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1. С. 225–298.
18. *Эфендиев О.А.* Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку: Изд-во АН Аз ССР, 1961. 208 с.

Поступила в редакцию 17.07.2018 г.
Принята к печати 24.12.2018 г.